

Л. Б. СУКИНА

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XVII В. А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО И ЕЕ МЕСТО И РОЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Автор рассматривает концепцию развития русской культуры XVII в. в трудах А.С. Лаппо-Данилевского сквозь призму его методологии истории, оценивает ее когнитивные возможности. Во второй части статьи содержится анализ работ современных исследователей, в которых прослеживается эксплицитное и имплицитное влияние этой концепции.

Ключевые слова: *А.С. Лаппо-Данилевский, русская культура, методология истории, компаративное источниковедение, историческая антропология.*

В последние десятилетия интерес современных исследователей обращен не только к эпистемологической концепции истории А.С. Лаппо-Данилевского, но и к проблемам ее реализации в его собственной исследовательской практике, оценке роли различных работ ученого в формировании актуальных подходов в изучении определенных исторических периодов¹. Попробуем осмыслить содержание идей Лаппо-Данилевского, касающихся истории русской культуры XVII в. и их место в концептуальных конструкциях нынешних исследователей.

Интерес к русской истории XVII века проявился у А.С. Лаппо-Данилевского в самом начале его научного пути, еще при подготовке защищенной им в 1890 г. магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразований»² (научным руководителем диссертанта был Е.Е. Замысловский, известный специалист по истории допетровской России). К проблематике этого периода Лаппо-Данилевский будет обращаться и в своих университетских лекциях, и в исследовательских работах до конца жизни, рассматривая этап исторического развития России, начавшийся после Смуты и продолжавшийся до начала петровских реформ, как чрезвычайно важный для подготовки общественного сознания к коренным преобразованиям в жизни страны, произошедшим на рубеже XVII–XVIII вв., и считал необходимым исследовать его глубоко и всесторонне.

В работах Лаппо-Данилевского, посвященных русской общественной мысли и культуре XVII в., отсутствует прямое изложение теорети-

¹ Трати. 2001.

² Лаппо-Данилевский. 1890.

ческих основ его научного подхода к данной проблематике, но имплицитно они там содержатся³. Их не следует лишь в «Методологии истории», хотя и в этом своем крупнейшем теоретическом труде он уделил им внимание в контексте рассуждений об изучении общественного и индивидуального самосознания прошлого. М.Ф. Румянцева отмечает, что принцип «признания чужой одушевленности» является системообразующим в эпистемологической концепции Лаппо-Данилевского⁴. Исходя из этого принципа, он «конституирует <...> перемены в чужой психике, в сущности, недоступные эмпирическому <...> наблюдению»⁵.

Важнейшими аспектами изучения русской культуры А.С. Лаппо-Данилевский считал развитие «народного самосознания», «личного начала» и других проявлений «коллективной одушевленности». Временем интенсивного осознания русским народом своей национальной идентификации ученый называл позднее Средневековье и раннее Новое время: «Лишь со второй половины XVI в. получил он [русский народ – Л.С.] возможность сравнивать себя с народами более развитыми. События, которыми знаменуется переход от XVI в. к XVII и от XVII в. к XVIII в связи с такой сравнительной оценкой своего национального “я” способствовали, конечно, более сознательному отношению русских людей к потребностям и задачам последующей их государственной жизни»⁶. Лаппо-Данилевский полагал, что развитие общества предшествовало развитию государства, и наоборот, лишь новый тип «просвещенного» государства способствовал формированию личности русского человека, сложившейся только во второй половине XVIII — начале XIX века⁷.

Такой подход к проблеме формирования национального и личного «я» в русской культуре и общественной мысли был обусловлен не только и не столько «неокантианством» Лаппо-Данилевского, сколько научными традициями петербургской исторической школы того времени⁸. Это становится еще более очевидным в сравнении с рассуждениями об антропологических аспектах культуры ярчайшего представителя московской историографии В.О. Ключевского, который судил о людях Средневековья, используя понятия «ума», «совести», «веры», наделяя человека личностными свойствами, и признавая его активную роль в движении истории⁹.

³ Следует также отметить статью: *Лаппо-Данилевский*. 1914. С. 5-36.

⁴ *Румянцева*. 1999. С. 141.

⁵ *Лаппо-Данилевский*. 1923. С. 308.

⁶ Там же. С. 184-185.

⁷ Там же. С. 187-188.

⁸ *Ростовцев*. 2004.

⁹ *Ключевский*. 1988. С. 337.

Формирование русского государства и его политических структур являлись у А.С. Лаппо-Данилевского отправной точкой становления политической культуры в обществе: «В XVI–XVII вв., например, главным носителем политических идей нужно признать Московское государство. Оно представляло собою Россию, и история политических идей в России вообще складывалась в зависимости от его развития»¹⁰. Но потребности и усилия государства, рождавшие в обществе политическое самосознание, рано или поздно приводили к конфликту между политическими интересами власти и идейно опередившей ее частью социума, ибо «русское правительство и общество редко действовали вместе»¹¹. Так, в XVII в. государство хотело привлечь в своих реформаторских интересах «средства» новой западной культуры (для чего были приглашены ученые книжники из Малороссии), но лучшие представители русского общества, вкушая плоды дозволенного просвещения, оказались способны понять и «принципы», лежавшие в основе чужих идей, что не могло не драматизировать их отношений с отстаивавшей некоторые охранительные позиции властью.

Русское государство в XVII в. открыло двери для иноземной западной и восточной учености, поэтому в центре концепции русской культуры Лаппо-Данилевского оказывается оценка влияния европейской средневековой и ренессансной мысли на русское общественное сознание в области морали, политики и права, а также борьба «восточников» и «западников» в кругах русских книжников и религиозных мыслителей. Западное влияние на русскую культуру XVII в., которое шло преимущественно по религиозным каналам, для ученого было несомненным. При этом он был склонен преувеличивать его роль. Как справедливо отмечал А.И. Клибанов, «культурный процесс в России XVII в. показан Лаппо-Данилевским как рецепционный по преимуществу»¹². Отметим, что Лаппо-Данилевский сознательно ограничивал исследование общественной мысли и культуры допетровской России выявлением следов культурного влияния позднесхоластической и ренессансной мысли в русской «ученой» религиозной книжности. В своих выводах он не учитывал своеобразие русской национальной религиозности и связанного с ней комплекса морально-этических представлений, зафиксированного в книжности традиционной, во многом наследовавшей средневековую культурную традицию, что было показано в трудах В.О. Ключевского.

¹⁰ Лаппо-Данилевский. 1990. С. 20-21.

¹¹ Там же. С. 21.

¹² Клибанов. 1990. С. 272.

Еще в своих ранних работах и «Методологии истории» на основе синтеза номотетического и идиографического подходов к исследованию источника Лаппо-Данилевский заложил методологические основы компаративного источниковедения. Основным объектом сравнительно-исторического исследования у него выступают не уникальные феномены культуры, которые описывает идиография, а продукты типизирующего влияния социальной среды на человеческую психику — виды исторических источников, внутри которых источники приобретают общие надындивидуальные черты. Сравнение видов источников и их систем позволяет выделить общее и различное в обществах и культурах, принадлежащих к одному или разным хронологическим периодам. В исследовании русской культуры XVII в. этот подход был блестяще реализован на практике, чему способствовали исключительная эрудиция Лаппо-Данилевского в области польского и украинского богословия и общественной мысли и практически исчерпывающее для его времени знание источников в рамках избранной им проблематики. Вкус к сравнительному изучению западных и русских источников XVII в. был, несомненно, привит Лаппо-Данилевскому также его учителем Е.Е. Замысловским, предметно занимавшимся «сношениями» России с ее западными соседями.

В концепции Лаппо-Данилевского XVII век — это не все столетие, ограниченное календарными рамками, а тот его отрезок, который начинается после смуты, с первых явных интеллектуальных контактов с западной книжностью и книжниками, и заканчивается с первыми преобразованиями петровского времени. На этот «хронологический изъян» обратил внимание еще А.И. Клибанов, отмечавший, что Лаппо-Данилевский, прекрасно осведомленный в сфере русской общественной мысли XVI в., тем не менее, сбрасывает ее со счетов, связывая зарождение национального вольнодумства исключительно с западным влиянием на русскую культуру середины — второй половины XVII в.¹³ В его концепции культуры переход от Средневековья к Новому времени осуществился в России в течение всего нескольких десятилетий XVII столетия, в то время как первооткрыватель русского XVII века в качестве эпохи борьбы между старыми клерикальными и новыми секулярными тенденциями культурного развития, историк литературы и археограф Н.С. Тихонравов видел ее истоки в «умственном движении» Московской Руси XVI века¹⁴.

Вероятно, специфичность концепции истории русской культуры XVII в. А.С. Лаппо-Данилевского объясняется тем, что ее разработка

¹³ Там же.

¹⁴ Тихонравов. 1898. С. 93.

была связана со строго обозначенной главной целью его последнего научного труда – прояснить сущность основных интенций секулярной культуры и общественных идеалов XVIII века. Реализация этой цели заставляла ученого смотреть на XVII столетие всего лишь как на преддверие великой эпохи преобразований. И если, по выражению самого Лаппо-Данилевского, ему «пришлось залезать и в XVII в.»¹⁵, то заглядывать в XVI столетие у него не было ни времени, ни намерений. Его оценка культурной отсталости допетровской России, которой в процессе преобразований просто необходимо было «догонять» западные страны, чтобы не остаться на обочине европейской истории, в целом была характерна для петербургской историографии того времени. Путь в цивилизованную Европу для России XVII века, с этой точки зрения, был только один – усвоение культурного опыта Польши и Украины, поэтому выводы В.О. Ключевского, Н.С. Тихонравова и других историков русской культуры, не вписывавшиеся в вестернизационную модель ее развития, и не были использованы в исследовании Лаппо-Данилевского.

Вместе с тем, благодаря разработанным Лаппо-Данилевским методам компаративного источниковедения, его историко-культурные исследования имели большое значение для дальнейшего изучения истории культуры предпетровского и петровского времени. Они дали точку опоры исследователям, занимающимся проблемами места и роли вестернизации в формировании нововременной культуры и общественного сознания в России XVII – первой половины XVIII в. Это влияние оказалось, может быть, несколько запоздалым (в силу того, что часть главной работы Лаппо-Данилевского, посвященная данной проблеме увидела свет только спустя семьдесят с лишним лет после ее написания, в 1990 г.), но особенно значимым, так как оказалось чрезвычайно востребованным в среде отечественных исследователей на фоне заметной активизации в 1970–1980-е гг. интереса к «переходной» культуре русского XVII в., до этого длительное время остававшейся недооцененной гуманитарным знанием.

Ряд идей, содержащихся в «Истории русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.» получил дальнейшее обоснование и развитие в работах Л.А. Черной, принимавшей активнейшее участие в подготовке этого труда А.С. Лаппо-Данилевского к изданию¹⁶. В частности, в своих книгах и статьях она также рассматривает русскую культуру XVII в. как «переходную» и последовательно прослеживает нарастание в ней секулярных тенденций под вестернизирующим влиянием культу-

¹⁵ Цит. по: Черная, Сорокина. 1990. С. 9.

¹⁶ См.: Черная. 1999; 2008 и др. работы.

ры ближайших западных соседей, движение общественной мысли от застывших средневековых понятий «правды» и «чина» к довольно свободным для своего времени и санкционированным философской рефлексией новременного разума рассуждениям об «общем добре» (последняя тенденция была отмечена Лаппо-Данилевским, но не изучена им с такой тщательностью и полнотой, как это сделано Черной). В отличие от А.С. Лаппо-Данилевского, Л.А. Черная не ограничивает рассмотрение культурных процессов и явлений в допетровской Руси временем ее вестернизации, она изучает их в глубокой ретроспективе, охватывающей весь «древнерусский» период в целом и, привлекая в качестве методологической основы философскую антропологию М. Шелера, создает концепцию развития русской культуры от культуры «Тела», через культуру «Души» к культуре «Разума».

При том, что ссылка на последнюю работу Лаппо-Данилевского является уже своего рода каноническим правилом для всех исследователей, занимающихся изучением русской культуры XVII века, отношение к его идеям далеко не всегда эксплицировано в научных публикациях. Однако, думается, мы можем обнаружить следы их подспудного воздействия на современную гуманитаристику, так как их актуальность и необходимость дальнейшего развития, требующего значительных усилий нескольких поколений ученых, была очевидна и тогда, когда его концепция только создавалась, и теперь.

Осмысление роли государства в процессе перехода от одного типа культуры к другому (в данном случае, от средневекового клерикального к новременному секулярному) продолжено работами исследователей проблемы интеллектуального выбора России, осуществленного совместными усилиями власти и наиболее просвещенной части общества в XVII — первой половине XVIII в., М.С. Киселевой и Т.В. Чумаковой¹⁷. Но современное исследование, даже когда оно основано на той же источниковой базе, которую использовал и Лаппо-Данилевский (книжность, фиксирующая изменения в богословской практике России под влиянием культуры славянского барокко), не может не учитывать антропологической составляющей культурно-исторического процесса. Так, М.С. Киселева специально подчеркивает важную методологическую особенность своего научного подхода: «Обсуждая тему интеллектуального выбора, состоявшегося или не состоявшегося в культуре страны, я не сомневалась, да и теперь не сомневаюсь, что такая постановка проблемы правомерна и даже необходима в области интеллекту-

¹⁷ Киселева. 2000; 2011 и др. работы; Киселева, Чумакова. 2009. С. 22-40.

альной истории или исторической эпистемологии. Полагаю, что совершается этот выбор из соображений именно интеллектуального свойства и только тогда, когда присутствует *личностная мотивация* [курсив М.С. Киселевой – Л.С.] того человека, которому выпадает историческая роль проявить собственную волю и усилия, с тем чтобы этот выбор состоялся»¹⁸. Культурообразующая роль государства велика и несомненна, но современная гуманитаристика рассматривает государственную власть и ее интенции не в политико-правоведческой трактовке действия властной машины как закономерно обусловленного и почти механического, а через призму индивидуального сознания личности, наделенной в данное историческое время полнотой властных полномочий. Интеллектуальный выбор будущего пути развития России в XVII в. осуществлялся не абстрактным государственным аппаратом, а обладавшими специфическими личностными свойствами царями Алексеем Михайловичем, Федором Алексеевичем, Петром I.

Влияние на русскую общественную мысль и культуру XVII в. украинского и польского богословия и связанной с ним книжности – одна из актуальных тем отечественной гуманитаристики последних десятилетий¹⁹. После снятия идеологических ограничений в исследованиях, связанных с данной проблематикой, все шире распространяются компаративные источниковедческие и историко-антропологические подходы, используется опыт польской историографии, привлекаются источники западноукраинского происхождения, сохранившие заметные следы межконфессиональных взаимодействий в книжной культуре и богословской мысли славянского барокко²⁰. Особенного внимания заслуживают усилия по координации исследований в этой области Сектора междисциплинарных исследований человека Института философии РАН и Центра украинистики и белорусистики Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, позволяющие наладить диалог отечественных и зарубежных специалистов²¹.

Особенностью большинства современных исследований русской культуры XVII в. является их выраженная антропологическая направленность, выход в поисках истоков и последствий культурных трансформа-

¹⁸ Киселева. 2011. С. 379.

¹⁹ Особо отметим исследования М.А. Корзо, плодотворно работающей в этом направлении: Корзо. 1999; 2007; 2011 и др.

²⁰ См., например: Шустова. 2009.

²¹ См., например, издания, выпущенные под эгидой этих научных структур: Человек между Царством и Империей. 2003; Человек в культуре русского барокко. 2007; Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках: общее и различное. 2012.

ций эпохи за пределы формальных границ столетия (в «длинный» XVII век, начинающийся реформаторскими попытками Бориса Годунова и заканчивающийся преобразованиями Петра I, и условно помещающийся между введением патриаршества на Руси и его заменой Синодом), изучение явлений и процессов культуры допетровской эпохи в исторической ретроспективе и перспективе (с конца XV до конца XVIII в.). Вместе с тем, работы исследователей, специализирующихся в области истории русской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени показывают, что когнитивный потенциал концепции А.С. Лаппо-Данилевского еще далеко не исчерпан, и содержащиеся в ней идеи могут быть плодотворно использованы отечественной гуманитаристикой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Киселева М.С.* Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. М.: Индрик, 2000. 256 с.
- Киселева М.С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 472 с.
- Киселева М.С., Чумакова Т.В.* Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы: между Царством и империей // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 22-40.
- Клибанов А.И.* А.С. Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: Наука. С. 249-280.
- Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 кн. Кн. 3. М.: Мысль, 1988. 414 с.
- Корзо М.А.* Образ человека в проповеди XVII в. М.: ИФ РАН, 1999. 189 с.
- Корзо М.А.* Украинская и белорусская катехизическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2007. 672 с.
- Корзо М.А.* Нравственное богословие Симеона Полоцкого: Освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М.: ИФ РАН, 2011. 155 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. 563 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Идея государства и главные моменты ее развития в России со времен смуты до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5-36.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Вып. 1. Пг., 1923. 285 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990. 293 с.
- Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках: общее и различное / под ред. М.В. Дмитриева. М.: Индрик, 2012. 344 с.
- Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. 352 с.

- Румянцева М.Ф.* Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного знания // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 138-146.
- Тихонравов Н.С.* Сочинения. Т. 1. М., 1898. 572 с.
- Трати Н.А.* Эволюция научных взглядов А.С. Лаппо-Данилевского и актуальные проблемы отечественной истории XVII — XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2001. 181 с.
- Человек между Царством и Империей: материалы междунар. конфер. «Человек между Царством и Империей: культурно-исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив» / отв. ред. М.С. Киселева. М.: Институт человека РАН, 2003. 528 с.
- Человек в культуре русского барокко: сб. ст. / отв. ред. М.С. Киселева. М.: ИФ РАН, 2007. 613 с.
- Черная Л.А., Сорокина М.Ю.* Предисловие // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990. С. 3-16.
- Черная Л.А.* Русская культура переходного периода от средневековья к Новому времени. М: Языки русской культуры, 1999. 288 с.
- Черная Л.А.* Антропологический код древнерусской культуры. М: Языки славянских культур, 2008. 464 с.
- Шустова Ю.Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийного братства (1586–1788): источниковедческое исследование. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 648 с.

Сукина Людмила Борисовна, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных наук НОУ ВПО Институт программных систем «УГП имени А.К. Айламазяна», г. Переславль-Залесский, Россия; lbsukina@gmail.com